

Максим Осипов

Добрые люди

рассказ

Нет, здесь детей нет, дети лежат в другом корпусе.

Седая крупная женщина смотрит Белле в глаза. Белла помнит только фамилию женщины — Орджоникидзе, фонд «Сострадание.рф». При детской больнице имени... Имени Белла не помнит, как и не знает она, что такое «эрэф». У женщины Орджоникидзе пристальный взгляд человека, обязанного говорить правду, какой бы тяжелой она ни была. И голос низкий:

— Милое дело сказки читать. Дети — это святое, — глубокое, долгое «о».

Все, что здесь делается, делается ради детей. У нее, у Беллы, есть дети, внуки? Нет, своих нет. Белле кажется, что она отвечала на этот вопрос.

— Значит, одна-одинешенька? — Шипящие выходят у Орджоникидзе очень отчетливо. — Тех, кто переживает реакцию утраты, мы в команду свою не берем. Но поскольку за вас ходатайствовала Ангелина Андреевна... — На слове «Ангелина» голос ее теплеет, верхняя губа идет вверх — подобие улыбки.

Часть ее речи Белла не поняла: какую реакцию?

Орджоникидзе встает — на сегодня закончили.

— Помним про тубдиспансер?

Белла просит ее извинить: она стала рассеянна. Справки, анализы — Белла все принесет. В ту же минуту она забывает свое обещание.

Мир, в том числе театральный, не без добрых людей. Они в последнее время не оставляют ее. Подруги — актрисы, гримерши, художницы — еды принесли, приготовили, накрыли на стол.

— Белла, Беллочка, бедная. — Подруги с ней делятся новостями: всем трудно, у всех болезни, несчастья. — Мы знали, что старость тяжелая вещь, но кто б мог подумать, что она еще так унижительна.

Белла слушает и не слышит их, а услышала бы — не приняла на свой счет. Она озирается, всматривается в гостей.

— Видишь, какой ты стала забывчивой. Ты бы сходила, проверилась, Беллочка. У Валентины, — Белла не помнит ее? — из литчасти, тоже скончался муж. Царствие небесное. У нас в поликлинике хороший невролог, Валентине очень помог.

Белла на кухне, моет тарелки, она себе может и еду разогреть, соседей не заливает, осторожна с огнем, электричеством, одевается аккуратно, следит за собой и вполне может справиться без посторонней помощи, так ей кажется. Пора,

наверное, чай подавать? Белла пугается: там, в комнате, очень много народу, много незнакомых людей.

— Что ты, Беллочка, — говорят подруги, — это же всё друзья, Лёвины и твои. Ничего, милая, тут пока посиди.

Чтобы не потерялась в городе, надо браслет с адресом заказать. Вот так: кто-то ходить не может — нужно менять суставы, а боязно в этом возрасте, у кого-то — давление.

— А у нас с Беллой Юрьевной слабая голова. Как у Ленина, — Петечка, осветитель, выпил сегодня лишнего, заявился на кухню. — Как наш театр называется, не забыли еще? Моссовета, Ермоловой, Станиславского? — Белла кивает растерянно. — Петечка машет рукой: — Даже и лучше — совсем без мозгов. — Закончить ему не позволили, вытолкали да еще обещали, когда протрезвеет, поколотить.

Беллу любят в театре, хотя она в нем уже только числится, на сцену не выходила давно. Нужно найти ей занятие, к делу пристроить, без дела она пропадет. Может, Лина попозже заглянет, может, что-то она придумает. — Люди и правда хорошие, Белла не согласна со Львом, что с артистами трудно дружить: всё нороят подсмотреть, своровать эмоции, оттого в несчастии они первые тут как тут.

Ой, Лина пришла, ангел наш. Всего на минутку заехала, но как это с ее стороны хорошо.

— Так мы и знали — она придумает! — восклицают подруги. — Вот!

Лина умничка, все берет на себя. Такая нагрузка, и с каким она блеском справляется! Сколько в ней детского, непосредственного! Почти не пользуется косметикой. А как просто и как красиво она одевается: все маленькое и изящное — туфли чуть ли не в «Детском мире» приходится покупать. И этот трогательный рюкзачок. В Лине все хорошо и трогательно — жесты, мимика, интонация, выражение глаз — все соответствует.

— Белла Юрьевна, это самая большая радость — делать добро. — Лина склоняет голову, прижимает правую руку ладонью к груди. — Какая чудная фотография Льва Григорьевича! — Лина с радостью посидела бы, но ее ждут внизу.

Вот и занятие для Беллы: детям сказки читать. Фонд «Сострадание», десять минут на троллейбусе, а если погода хорошая, можно пешком. — Почему только сказки? — рассказы, повести, Белла Юрьевна прекрасно умеет читать. И люди вокруг нее будут прекрасные — Лина ей улыбается, и Белла улыбается Лине в ответ.

Общая тетрадь в клетку, такие стояли раньше сорок восемь копеек, слева — пустая страница, а справа — текст: *Милый мальчик*, — вертикальная волнистая линия — *сегодня* — подчеркивание — *я расскажу тебе сказку* — галочка, вдох. Артист старой школы никогда не станет работать с текстом по напечатанному, все перепишет в тетрадь. *Жили были старичок со старушкою...* Вертикальная волнистая линия — люфт, двойное подчеркивание — главное слово, две палочки — пауза. Стрелками — интонация, вниз и вверх. Слева пространство для комментариев. Вспомнила: тубдиспансер. Или тубдиспансёр? Белла задумывается, где-то она прежде с Орджоникидзе виделась.

В «Сострадании» работают Таша, Наташа, она веселая, и другие девочки, Белла пока что пугает имена. Таша ей обещала помочь со справками, а анализы, сказала, — вообще ерунда, сделаем на компьютере — будут лучше, чем настоящие. Надо только набраться терпения:

— Вы же знаете, Белла Юрьевна, каких мы ожидаем гостей.

Белла кивает: да-да. Вот что, она все-таки пойдет выяснит, когда можно уже приступать.

— Нет, не сейчас. — Таша ей знак подаст.

Пока справок не будет — из тубдиспансера, от нарколога, анализов крови на СПИД, гепатит, — до детей не допустят. Справки мы сделаем, но сегодня — неудачный момент. Орджоникидзе из министерства приехала, Таша сказала: злая, — переговариваться с ней отрядили сотрудницу, которая сегодня же, как выяснилось, и уволилась, наобещав всего. Спросу с нее никакого, естественно, — опять начинать с нуля. Трюк этот министерство не впервые продельывает.

— Что мы есть, что нас нет. Им, похоже, без разницы. — Речи своей Таша хочет придать драматизм, но глаза у нее веселые и распахиваются широко.

А что она, спрашивают у Беллы, выбрала детям читать?

— Ой, пожалуйста, только не «Гуси-лебеди»! Кого унесли гуси-лебеди, тому уже все, конец.

У Таши ногти — каждый имеет свой цвет, чуть выше запястий шрамы, одинаковые на обеих руках, прорисованы чем-то коричневым. Девочки говорят с большой скоростью, проглатывая «а», «о», «у», губы у них растянуты, рот не раскрывается широко.

Таша щебечет про пиджачки, которые привезла из «Детского мира», про то, как продавщица игриво сначала спрашивала, куда это мальчики собираются их надевать, и как она ее огорошила, сообщив, что пиджачки предстоит надеть только раз и по очень грустному поводу, так что можно не беспокоиться — дети из них не вырастут, и какое ошеломляющее впечатление это произвело на всех. В результате они ей забыли товарный чек выписать, и Таше влетело от бухгалтерии.

Девочки много плакали в этот день, и Белла тоже была растрогана, хотя и не могла бы объяснить себе, чем. Пустот образуется в голове больше и больше, и тропинки, перегородки между пустотами непрерывно сужаются, временами становится страшно, что скоро они объединятся в одну, и в голове останется — как называется белесая жидкость, которая всплывает, когда сворачивается молоко? — вспомнила слово: сыворотка.

Ну что, она пойдет пока чашки вымоет? И посидит в стороне. Так кого и когда мы ждем?

— Гостей. Очень высоких. — Таша снова развеселилась. — Гости высокие, а врачешек велели подобрать для групповой фотографии низеньких, не выше метра семидесяти. Анекдот.

Сменяются дни, погода меняется — становится очень тепло, а Белле только и дела, что слушать, о чем говорят девушки, чашки мыть, вспоминать. Есть безопасные, незатопляемые острова, один из них — первая встреча со Львом.

Дело было зимой, в доме отдыха, во Владимирской области. Молодая актриса, как Беллу сюда занесло? Хотя ей тут нравилось: нигде она прежде не видела столько неба, как в этой Владимирской области. Смотрела она, однако, не только на небо, но и на отдыхающих, а поскольку была близорука и стеснялась носить очки, то и разглядывала людей довольно бесцеремонно, подходя близко к ним и широко раскрывая глаза.

Лев, плотный толстогубый брюнет, приехал сюда на полуподпольный математический семинар и теперь стоял в вестибюле перед забранными под стекло Правилами внутреннего распорядка Дома отдыха имени Куйбышева. В стекле он заметил Беллу, поймал на себе ее взгляд и, вероятно, подумал: тут-то не будет особых препятствий — с таким она глядела на него обожанием. Лев пригласил ее разделить удовольствие от Правил, но Белла жила здесь несколько дней и выучила их наизусть.

— Первое, — продекламировала она, повернувшись к распорядку спиной. — В спальнях комнатах запрещается хранение чемоданов, съестных продуктов и

льж. — Дыхание, как учили, с опорой на диафрагму. — Второе. Отдыхающий обязан содержать в порядке свою постель. Третье. Категорически запрещается переход из комнаты в комнату без разрешения дежурной по этажу. Четвертое...

Вот, внезапно думает Белла, почему ей знакома Орджоникидзе — это дежурная по этажу. Такая же, как была, не изменилась ничуть. Здесь мысли Беллы опять заволакиваются непрозрачной жидкостью, и она останавливается, не думывая до конца.

Лёвушка ловко умел усыплять бдительность этой самой дежурной, но приходиться к нему Белла могла лишь на час или два, пока соседи его по комнате были заняты на семинаре, и так, чтоб не слишком шуметь. У Беллы почти что не было любовного опыта, и обстоятельства не смущали ее. Между тем любовь их со Львом не должна была бы иметь продолжения: во-первых, он жил в Ленинграде, а Белла в Москве, во-вторых, по словам Льва, его в ближайшее время должны были посадить за диссидентскую деятельность (тут он, вероятно, преувеличивал, потому что не посадили ведь и даже с работы не выгнали), в-третьих, Лев был женат. Человек — существо полигамное, так он ей объяснял, он и жене своей внушал это постоянно и вообще всем встречным и поперечным обою пола при каждом удобном случае, и Белла, хоть ничего такого не замечала в себе, кивала согласно: что же, раз полигамное — пусть.

Белла бродит по пустому больничному дворику, ей жарко, она обмахивается тетрадью и ищет тень. Кое в чем удалось разобраться: здесь, в этом корпусе, «Сострадание» занимает несколько комнат — есть кабинет начальницы — Орджоникидзе, есть бухгалтерия и большая общая комната — в ней Таша и остальные девушки. Табличка возле двери, написано: пациентам и родственникам заходить в административное здание запрещено. И от руки: спасибо за понимание. Так что детей здесь нет, они в другом корпусе, через двор.

Во дворе по несколько раз на дню появляется полноватый молодой человек с небольшой бородой, весь в красном, вернее — малиновом. Склочный характер, говорят про него, но специалист — дай Бог каждому. Хотя где бы он был, если б не мы, не фонд.

— Саша, бросайте курить, — распоряжается Орджоникидзе и, чтоб дым не летел, захлопывает окно.

— Можете называть меня «доктор», если забыли отчество, — огрызается Саша, но Орджоникидзе уже не слышит его. Он поворачивается к Белле: — Мощная тетка, да? Ей бы министром здравоохранения. Или тяжелой промышленности. Может, будет еще.

Он вызывает у Беллы доверие. Что же касается Орджоникидзе, то она похожа на дежурную по этажу. Как он громко смеется, и искренне! Белле впервые удалось тут кого-то развеселить.

Саша видел ее на сцене, давно, помнит, что очень понравилось, хоть и роль была небольшой. Подростком Сашу водили в театр чуть ли не каждый вечер: отчим заботился о духовном воспитании мальчика:

— Вы ведь играли в театре имени... — щелкает пальцами, ждет, что Белла подскажет название, затем быстро взглядывает на нее. — Простите. Конечно же, все равно.

Событий не происходит, дни наполнены разговорами, смысл которых Белле не очень ясен, но, кажется, все привыкли, что она сидит в уголке с тетрадью или перемещается по двору, и почти не обращают на Беллу внимания. Зато чашки у них теперь чистые. И Белла привыкла к ним, не спрашивает ни о чем. Театр учит терпению: никто ведь не обещал, что получится сразу, — так в этих случа-

ях говорят. Сегодня или вчера она столкнулась с Орджоникидзе, та посмотрела поверх ее головы и произнесла одно только слово: «Ждем».

— Когда я пришел сюда отделением заведовать, другая эпоха была. — У Саши опять перекур. — Инструменты, лекарства мешками из-за границы таскал. Друзья чего-то нам набирали по мелочи. А потом появилась она, — он показывает, — с фондом своим. Мы признательны, тетка многое сделала, но вообще-то нам хватает и собственного начальства. Более чем.

Белла внимательно слушает. Хорошо он артикулирует: гласные выходят у Саши крупными, круглыми.

— А теперь еще Ангелина ваша, лицо «Сострадания», — он повышает тон. — Какую гадость вчера написала, видели? Или подписала, разница невелика. Счастье ваше, что вы газет не читаете.

Саша хочет казаться сильным. Надо бы найти для него слова. Вот, Лёва недавно сказал:

— Белка, кому в этой жизни чего-то хочется кроме самых простых вещей, тот готов идти людям по головам.

Саша смотрит непонимающе: Лёва — кто это, муж ее? Уходит: амбулаторный прием, дети ждут. А с Лёвой они уезжали из дома отдыха почти что одновременно, но он в Ленинград, а она в Москву. Договорились встретиться через три недели у Красных Ворот, время назначили — Белле тогда еще не поставили телефон.

И был вечер того же дня, или следующего, или еще сколько-то дней прошло. Девушки рассуждают о том, что уходят люди, что работать становится некому, никто не хочет тяжелых детей вести, но это теперь всюду так, и скоро не станет средств отправлять их на какие-то манипуляции за границу, и, значит, родители будут, как в прежние годы, валяться у Орджоникидзе в ногах, умолять — зрелище не для слабых нервов, такое никто, кроме тетки, не в силах выдержать. И придется, наверное, как когда-то, когда начинался их фонд, бумажки из шапки тянуть, выбирать, кому деньги давать, жребием. Так что надежда теперь на того, кто должен завтра их навестить, не то унесут детей гуси-лебеди — так, Белла Юрьевна? — и некстати как, а может, наоборот, очень вовремя, вокруг Ангелины поднялся шум.

И приезжает сама Ангелина, сильно, видимо, раздосадованная — здороваётся с Ташей и остальными, а Белле едва кивает и сразу отводит глаза. И пока Белла пробует сообразить, чем бы она могла огорчить Лину, входит Орджоникидзе:

— Ничего тяжелей телефона в руках не держали, а туда же — судить, рассуждать. Ташка, давай, в отделение звони, пусть парня подгонят посимпатичнее, лучше национального. Стой, она сама к ним пойдет. Халат пусть дадут. И бахилы — ей и фотографу.

И Лина, вернувшись из отделения, пила с ними кофе и плакала, прижимала руку к груди и повторяла, что в обмен на возможность спасти детей готова присягнуть хоть черту, хоть дьяволу, и все повторяли, что Лина — прекрасная, и фотографировались, и плакали вместе с ней, кроме Орджоникидзе, та только хмурилась. И Белла участвовала в общем деле сочувствия Лине, которая для нее ведь тоже много хорошего сделала, а теперь почему-то отводит глаза.

Пришел Саша, врач, Белла только сейчас заметила, что он рыжий, Саша тоже ужасно сердился, но на что-то другое, свое, и, оглядываясь поминутно на Лину, просил снизить градус, умерить пыл, не писать глупостей про возглавляемое им отделение — никаких они уникальных операций не делают:

— Не происходит же ничего! — он заикается от волнения. — Вот, вылечили японского мальчика. Прооперировали нерусского! Меня с утра атакуют, берут интервью.

Орджоникидзе пожимает плечами: сантименты какие-то, чушь.

— Коллеги, сосредоточим внимание на завтрашнем дне. — Она просит распечатать сценарии, раздать их собравшимся, чтобы каждый хорошенько выучил роль.

— А он... Он точно приедет? — спрашивает одна из девушек.

— Во всяком случае, пока что мы есть в его графике.

— Фотосессия! — восклицает Саша. — Не желаю участвовать!

— Это нужно не вам, Александр Маркович, — возражает Орджоникидзе, — а для дела, ради детей. Впрочем, и вам подобная фотография не повредит. — Усмехается: — По росту, вроде, проходите.

Таша вмешивается в разговор:

— Сунете в паспорт — и никаких проблем, ни с таможенниками, ни с гаишниками.

— А со мной, доктор, вы согласны сфотографироваться? — спрашивает Лина вдруг, необыкновенно просто. Слезы у нее высохли, это прежняя Лина, милая и спокойная.

У Саши краснеют щеки и лоб:

— С вами, конечно, да.

Разговор переходит на то, о чем именно предстоит просить. За окном темно, очень поздно уже. Белла прислоняется головой к стене, закрывает глаза. Таша шепчет:

— Дайте я вас провожу.

Нет, она посидит послушает.

Ее будит спор — опять Саша с Орджоникидзе ссорятся:

— Вы же, кажется, еще час назад не собирались кое-кому подавать руки, а теперь ишь какой список выкатили!

— Зачем нам часовня? Медсестрам нечем платить! — кричит Саша.

— Не одними таблетками, Александр Маркович... Часовня произведет впечатление, он верующий человек.

В разговор вдруг вступает долговязый фотограф, который пришел с Анжелиной и соскучился ждать:

— Он, между прочим, знает тему Ленинградской симфонии.

Орджоникидзе, тоже взмокшая, красная, трясет головой: вот видите.

— Вы к чему это? И откуда такие сведения? — Саша опять заикается.

Фотограф разводит руками: человек широкой культуры, общеизвестный факт.

— Про нормального человека никогда не скажете: ах, мол, какой молодец, знает тему Ленинградской симфонии!

— Не заводитесь, Саша, — стальные нотки всегда присутствуют в голосе Орджоникидзе, но сейчас уже это не отдельные нотки — гудящий рельс.

— Никому другому такое в актив не запишете — ни мне, ни моей медсестре, ни даже старушке несчастной с Альцгеймером!

Пауза. Саша быстро выходит, остальные сидят, опустив глаза. Только Орджоникидзе изучающе смотрит на Беллу:

— Знаете тему Ленинградской симфонии?

Вот и Белле досталась реплика. Надо спросить у Лёвушки, — отвечает она, — Лёвушка знает всего Шостаковича.

Лина подходит к Белле и порывисто целует ее в плечо. Что это? Белла ощущает большую неясность у себя в голове. Таша провожает ее до троллейбуса и в итоге доводит до самого дома, несмотря на то что Белла, конечно, дошла бы

сама, укладывает в кровать. Белла ей подчиняется, хотя и кровать не ее, и квартира кажется незнакомой, чужой.

— Побудьте-ка дома пока, Белла Юрьевна. Когда мы спровадим его, позволю. — У Таши белые зубы, большие глаза: видно, как они блестят в полутьме.

Квартира, которую Белла помнила как свою, находится в самом деле не там, где оставила ее Таша, но по той же ветке метро, ближе к центру — в Хамовниках. Не квартира — комната в коммуналке, в двух других — соседки ее: тетя Шура, пенсионерка, и Нинка-малыарша, пьяница. Квартира располагается в полуподвале, в цокольном этаже, и попасть к Белле в комнату можно двумя путями: обычным, через подъезд и лестницу, или если решетку снять, то через окошко под потолком.

Конечно, она могла бы дать ему адрес, и Лёва добрался бы сам, или не добрался, три недели, на которые они разлучились, — немаленький срок, всякие происшествия могли помешать: например, посадили бы, Лёва мог передумать (в отношении себя у нее опасений не было, но он ей оставил возможность решать), да и как ленинградская жена Лёвина относится к полигамии, все же было понятно не до конца.

И вот она просыпается, очень рано, в назначенный день, оглядывает свою комнату — теми глазами, которыми, как ей кажется, будет Лев на нее смотреть, завтракает, отмечая, что Нинка уже на работу ушла, хорошо, а тетя Шура — та, разумеется, тут как тут, и — время есть еще — собирается сделать прическу. Недавно, вроде бы, стриглась и уже обросла. Не надо потому что стричься на молодом месяце, говорили подруги, тут же снова будешь лохматая. Между прочим, особенно хороша для волос дождевая вода, но ею в марте не разживешься, сойдет и обычная.

Вместо фена — сушилка для рук, удобная вещь, украдена в Театре Советской армии из зрительского сортира и Белле подарена: сиди себе, рычажок над головой нажимай. Времени предостаточно, а Белла уже утомилась слегка: восемь утра — для актрисы все еще ночь, и она прикрывает глаза, а открывает их только в одиннадцать. Ужас, ужас какой! — кажется, не было в ее жизни большего ужаса. Да уж, опростоволосилась — будь здоров. Два с половиной часа — ох, не станет он ждать. На остановках перебегает из вагона в вагон: ну же, «Дзержинская», «Кировская».

Памятник Лермонтову — назначая Белле свидание, Лёва добавил: «Работа скульптора Бродского», к ним, питерцам, знание подобного рода само пристает — по ступенькам прохаживается ее Лев, тут же — рюкзак с книгами и чемоданы, два, ей показалось сослепу — собаки сидят. «О, — говорит Лев, — привет».

В воспоминаниях затем наступает некоторый перерыв, хотя нет, Белла помнит, как ловко он пролез к ней в полуподвал с чемоданами, спросил: «Ну что, теперь пошумим?», и с какой неожиданной кротостью приняла тетя Шура появление Лёвы в квартире — не спросила его о прописке и вообще не особенно часто на глаза попадалась им весь этот день.

А день длится, и они говорят, говорят, в основном, конечно, про его дела, Лёвины: он без заработка не останется — всегда есть возможность и репетиторствовать, и переводить, в крайнем случае — писать дуракам диссертации, и про диссидентскую деятельность — что он, наверное, ее прекратит, не потому, что страшно, а надоела обязанность — постоянно себя хорошим человеком считать. Много еще говорится всего, и они ходят гулять возле церкви Николы в Хамовниках, действующей, и музея Толстого, в котором Белла, по правде сказать, не была, догуливают до самого Новодевичьего. Белле хочется, чтобы Москва ему

направилась, — к ее радости, питерской спеси в нем нет и следа, и потом уже, на подходе домой, Белла вдруг принимается плакать, исподволь, а затем и довольно отчетливо. Лишь бы он не решил, что она истеричка, актрисы — не истерички, вовсе не все, хуже дело как раз обстоит у мужчин, и Лев отвечает, что слезы ее оправдания не требуют, поскольку момент, не каждый, а именно этот, сегодняшний, неповторим.

Ночью лил дождь, и Белла пробуждалась, ворочалась и засыпала опять. А проснулась уже окончательно оттого, что звонил телефон, и смеющийся женский голос говорил торопливо, весело, опуская гласные:

— Белла Юрьевна, все отменилось, не будет его. Кого? — Смех: — Того, кто знает тему Ленинградской симфонии. — Снова смех, еще голоса: — Может, продуло или живот заболел. Справки мы для вас напечатали. Белла Юрьевна, приходите сказки читать. Да что это с вами? Не узнаёте нас?

Белла в задумчивости опускает трубку. Справки, симфония — сколько вокруг непонятного. А идти? Да, пора. Что-то она опять проспала важное.

Белла стоит во дворе, запрокинув голову, и любитесь тучками. Сколько в них жизни, веселья, вот из этой брызнет того и гляди. Точно — через мгновение, как в любимых Лёвиных фильмах, раз — и повсюду вода. И тут же, почти без паузы — солнце, Белла зажмуривается, подставляет солнцу мокрые волосы, волосам полезна дождевая вода.

В голове у Беллы необыкновенно как-то для последнего времени проясняется. По двору возле дальних подъездов идет тот, кого она так ждала. Она зовет его, машет рукой. Он не может не слышать, почему же не откликается? И откуда собака? Собаки у них с Лёвой не было. Ни детей, ни собаки не было никогда.